

Из детства на войну с японцами

Жизнь и приключения татарского юноши

Из серии «Военные мемуары»

Казань 2023 г.

Эдуард Вагизович Сагитов
Из детства на войну
с японцами. Жизнь
и приключения
татарского юноши

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69364852
SelfPub; 2023

Аннотация

Детство в голодные 30-ые годы. Добровольцем на войну в 17 лет. Месяц в обледеневшем вагоне зимой 1943 по дороге на Дальний Восток. Первое время в армии. Поход и бои с японской Квантунской армией.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	6
Глава 3	10
Глава 5	16
Глава 8	32
Глава 10	42
Глава 11	46
Глава 12	54
Глава 13	57

Эдуард Сагитов

Из детства на войну с японцами. Жизнь и приключения татарского юноши

Глава 1

Первые заботы

Тихая деревенская улица. Ясный солнечный день. Влево от нашего дома колодец с журавлем. Деревянное ведро, опоясанное железными обручами, едва заметно покачивается над срубом.

Сажу на конце бревна с развилкой (запасной столб для колодца – «кое баганасы») и выполняю задание мамы – встречать отца. Он должен приехать со стороны колодца, который стоит на некотором возвышении. Поэтому у меня обзор только до вершины этого возвышения.

Вот появляется дуга, затем голова лошади, за ней что-то прямоугольное, большое на телеге. Наконец виден отец. С вожжами в руках он идет справа от лошади на некото-

ром расстоянии от телеги. Теперь видно, что на телеге везут большущий шкаф. Мне видна только задняя стенка шкафа, уложенного на бок. От некрасивой задней стенки огромного шкафа создается впечатление чего-то угрожающего, и я доволен, что отец идет подалее от телеги.

Вдруг меня охватило чувство озабоченности, чуть ли не паники. Как же так, отец увидит меня, а у меня ноги не достают до земли.

Быстро сползаю с торца раздвоенного конца бревна так, чтобы ноги были на земле. Но теперь я не сижу, а просто прислонился к торцу бревна.

Как же быть ?!

Ага, догадался!

Перескакиваю на более тонкую сторону раздвоенной части столба. Теперь почти сижу и ноги на земле. Пусть видит отец, что не так уж и мал у него младший сынок.

Кому же не хочется считаться большим в свои 3-4 года жизни ?!

Глава 2

Борьба за жизнь

Одна тысяча девятьсот тридцать первый год. Самара. Голодно. Ой, как голодно! Детям просто голодно. А каково родителям смотреть на четверых голодных сыновей!

Они делают все, что могут, чтобы все остались живы. Им помогает дедушка. Он старенький и горбатенький, но мудрость его очень нужна в тяжкое время.

Все, что можно было продать или обменять на продукты, уже продано и обменено. Даже красочные поздравительные открытки из семейного альбома проданы на «Воскресенке» – базаре, где почти круглосуточно кипит жизнь.

Начался поиск иных возможностей прокормиться. Месячная зарплата отца может обеспечить питание семьи только на несколько дней, меньше недели. Кто из взрослых был инициатором, неизвестно, но начались новые способы борьбы за жизнь.

Когда человеку всего 6 лет от роду, семейные горести и печали его не очень терзают. У него свои заботы и свои жизненные события, которые остаются в памяти на всю жизнь. Вот несколько таких событий.

Два брата, одному из которых 9 лет, другому – 6, взялись улучшить бытовые условия рыночного люда. С бутылью на четверть ведра и стаканом в руках нужно поить народ холод-

ной водопроводной водой.

Стакан-медяк, стакан-медяк.

Близость водопроводной колонки приносила больше трудностей, чем облегчения. Такая близость соблазняла многих пацанов заняться тем же промыслом. Большинство из них были старше нас, и все бойчее нас. Они же местные, самарские, а мы – приезжие из деревни.

Через несколько дней мы не выдержали такой конкуренции, подкрепленной неоднократно агрессивными мерами к нам, которые кончались не в нашу пользу.

В это время брат постарше (уже 12 лет!) сделал себе ящик, с помощью родителей приобрел 3-4 щетки, кремы, научился отбивать щетками дробь на ящике. Чистильщиков обуви было меньше, чем водоносов, но и клиентов было меньше, чем жаждущих.

Все было хорошо только несколько дней. Конфликт с силовым давлением со стороны организованной и бойкой самарской пацанвы вынудил и более старшего брата отставить свою сферу коммерческой деятельности.

Следующая попытка была организована дедушкой. Это я точно помню. Он где-то раздобыл жестяные заготовки и тонкую проволоку. Оставалось только отрезать кусочек проволоки и зажать на конце жестянки. Примусная иголка готова.

Продавать их предстояло опять нам, двум младшим братьям. Вот мы идем. Старший с одной связкой идет впереди, а я с двумя запасными связками, шагов на пять за ним. Кон-

спирация! Мы друг друга «не знаем». Продавать будет он, а я «хранитель склада». Мне еще нельзя доверять денежные операции.

До базара нужно было идти около двух кварталов, но самое главное – пройти так, чтобы избежать ненужных контактов с местными. Для достижения этого мы выбрали путь по тротуару мимо пожарного депо. Там на лавочке сидят пожарники в касках, они не позволят обижать, если появятся пацаны.

Когда мы проходили мимо наших потенциальных защитников, двое из них одновременно схватили нас обоих с грозным окриком: «Вы куда?»

Через секунду раздался громкий хохот все ватаги стражей огня, а мы вновь обрели свободу. Свободу обрели, но способность двигаться к нам пришла несколько позже. Наконец, мы двинулись своим путем. Теперь я забыл конспирацию и догнал своего брата и главу нашей торговой компании. Он, полуобернувшись ко мне, спросил:

– Син ничэк?

– Эзгене китте, – ответил я.

– Минем дэ эзрэк китте, – выразил он свою солидарность.

Но нужно было идти дальше. Во-первых, мы должны дойти до своей цели. Во-вторых, самое теперь существенное, быстро удалиться от пожарников, пока они не передумали.

Благополучно дошли до рынка, но нельзя же вести торговые операции с мокрыми штанишками! Пришлось свернуть

к колонке и пить воду до тех пор, пока не удалось намочить свою одежду до такой конфигурации мокрых мест, которая уже никого не могла навести на нехорошие мысли о нашей храбрости. Мало ли обливается летом ребяшня. Это уже не идет ни в какое сравнение с прежним положением.

Как нам удалась торговля в этот злополучный день, не помню. Но когда дома мы все рассказали дедушке, он нас снял с торговых операций, чреватых такими опасностями.

Я, только повзрослев, мог себе представить, как ему было, нас жалко и как он был беспомощен! Жить-то все равно надо было всей семье, невзирая на шутки гогочущих и сравнительно сытых пожарников.

Это было в 1932 году.

Глава 3

Разные картинки из детства

Мир детства до невероятности широк и удивителен! Каждый день, каждая неделя ребенка так обширны, что в них сочетается безграничное множество различных эмоций, ощущений, переживаний и т.д. В отличие от восприятий взрослых людей, у которых наиболее важное событие или обстановка подавляет остальные, ребенок с одинаковой силой и яркостью воспринимает и переживает совершенно противоположные события. Когда человек уже способен к подобным философствованиям, мир для него теряет много красочных и ярких впечатлений. В детстве жизнь удивительно интересна, невзирая на любые невзгоды.

Вот несколько картинок из периода от 6 до 9 лет.

Семья приехала в рабочий поселок с красивым названием Зеленый Дол. Работа для отца есть, но жилья нет. Временно живем на сцене. На самой натуральной сцене. Длинный барак из сосновых бревен. На одном конце сделано возвышение – сцена. На остальной части, предназначенной для зрительного зала, вместо стульев расставлены топчаны, сколоченные из досок. Там живут плотники, строящие подобные бараки. Единственная перегородка в бараке – занавеска из всего, что нашла мама, висящая там, где должен быть насто-

ящий занавес. Наша семья ходит через общежитие плотников. Дверь в бараке только одна. Между рядами топчанов, по центру барака стоит длиннющий стол.

Все, что происходит в «зале», нам и интересно и немного страшно. Громогласные разговоры, шуточные потасовки, которые мы часто принимали за драки, вся эта грубая мужская ватага человек в 40-50 для нас представлялась жуткой неведомой страной.

Они откуда-то приносили еду в больших баках. Каждый бак разливали в два оцинкованных таза. Почему таз, непонятно. Очевидно, не было другой посуды. Один из активистов отворачивался. За ним строго следили, чтобы не подглядывал. Между двумя тазами клали половник и спрашивали отвернувшегося:

– Чумече ме – сабы мы ? (примерно означало: сам половник или ручку ?)

Так определялся вопрос, какой бригаде, какой таз достанется. Бригад было, наверное, четыре, но точно не помню. Все это происходило под наблюдением всех голодных плотников, стоящих с мисками в руках вокруг стола. Миски были разные: деревянные, глиняные и редко – эмалированные.

Затем бригада располагала свои миски вокруг своего таза. Начиналось торжество разлива (если каша – раскладки) под особо внимательным и ревнивым надзором хозяев мисок. Затем наступала тишина. Но во время разлива возникали недовольные голоса и соответствующие конфликты. После

дележа – тишина несколько секунд. Она прерывалась громким оркестром ложек, стучащих об миски из разных материалов. Каждая миска издает свой особый звук. Нам такая пища доставалась реже.

Отец работал один, а иждивенцев у него было пятеро. Процедуру трапезы плотников мы наблюдали только из щелей занавесок. Это было соблазнительно и стыдно.

Старшим братьям иногда удавалось поймать рыбу в озерах. Осенью они принесли с озера дикую утку. У нее было кем-то покалечено крыло, а озера начали замерзать. Ее прямо руками поймали. Поместили ее под сценой. Находили ей какую-то пищу. Утка стала любимицей семьи. Когда ее выпускали из-под сцены, она ходила за нами, как собачка, служила нам забавой. Жила долго, крыло зажило. Куда ее потом дели, не помню, но хорошо помню, что зарезать ее ни у отца, ни у старших братьев рука не поднималась. Возможно, весной ее выпустили. Во всяком случае, у старших братьев были такие намерения, когда они ее принесли. Значит, и голодные могут любить живых братьев меньших.

После ужина плотников за длинным столом организовывались несколько компаний картежников. У каждой компании своя керосиновая лампа. Некоторые компании распались, и картежники улеглись на свои топчаны. Осталась одна или две группы. Чем дальше, тем жарче споры. Игра идет на

деньги.

Вдруг, как по команде, как мыши от кота, все игроки юркнули под свои одеяла. Я не понял причину. На столе остались карты и деньги. В дверях появился милиционер в сопровождении двух добромильцев (так тогда называли добровольных помощников милиции). Милиционер подошел к столу и громко спросил:

– Чьи деньги?

Все молчат. Все «спят». Милиционер опять:

– Чьи деньги?

В ответ тишина, прерываемая храпом взаправду спящих. Еще дважды повторенный вопрос остался без ответа. Милиционер собрал карты, собрал деньги и молча ушел из барака. Помощники последовали за ним, не проронив ни слова.

В бараке долго стояла тишина. Вероятно, боялись возвращения наряда. Постепенно начали раздаваться голоса из-под одеял. Постепенно, смелея, вылезли из постелей и принялись обвинять друг друга.

Но полное отсутствие карт и денег лишало этот спор всякого смысла. Задули лампы и утихли.

Я еще долго лежал под впечатлением всего увиденного и услышанного. Участие в этом событии милиционера и его помощников придавало ему особую важность и таинственность.

Глава 4 Боевая техника

Барак, где мы жили, стоял в лесу. Мне 7 лет, а брату уже

10. В этом возрасте при любых жизненных тяготах для игр время находится. А тягот было достаточно в 1932 году. Задача быть хотя бы полу-сытыми решалась не только родителями. Но это уже другой вопрос. Теперь об одной из игр.

Выбираем каждый себе территории на разных сторонах барака. Каждая территория по 50-70 квадратных метров точно отмеряется шагами, чтобы были равные. Обозначаются границы. После этого договариваемся о количестве стационарных и передвижных объектах с каждой стороны, о времени подготовки и о том, кто первый начинает.

Подготовительные переговоры окончены. Каждый уходит на свою территорию и начинает готовить «боевые единицы». Используются спичечные, папиросные и прочие коробки, глина, прутьики, и все, на что способна фантазия воюющих сторон.

Шпионить нельзя. Каждый объект обороняющаяся сторона тщательно маскирует. Готовятся и глиняные шарики условленных размеров. Это снаряды. Срок подготовки к сражению был различный: от 20-30 часов до суток.

По истечении срока начинается сражение. Наступающий вводит свои подвижные средства на чужую территорию. Обороняющийся, в нужное время, встает на колени около своей огневой точки и, нагнувшись над ней, стреляет по агрессору засохшими глиняными шариками. Наступающий волен продвигать свою технику дальше (но, не закрывая рукой зону обстрела противнику) или открывать ответный

огонь. Тогда техника неподвижна, и поразить ее легче.

Война идет до разрушения всех оборонительных точек одного, наступательной техники другого или израсходования одной из сторон установленного количества боеприпасов. Этими факторами определяются итоги сражения.

Детские игры все интересны, по-своему дороги о них воспоминания. Но об этой нашей игре я вспомнил по другим причинам.

В то время мы видели в натуре только трактор, а танки – лишь на картинках. Мои первые глиняные танки и прочие нафантазированные боевые единицы и строились по подобию этих танков с картинок. Они представляли комбинацию прямоугольников, цилиндров и стволов. Такие «машины» редко выдерживали прямое попадание глиняных шариков.

Но в дальнейшем, «практика боев» показала несостоятельность этой конструкции. Стал делать так, «чтобы снаряды скользили». Слова «обтекаемость», «рикошет» и т.п. были мне неведомы. Что меня толкало на подобное решение задачи в 1932 году, я не знаю, но танки 50-х годов напомнили мои глиняные машины 30-х годов по форме корпусов и башен.

Интересно и то, что впоследствии в своей жизни я никогда не был ни в танковых войсках, ни в промышленности, имеющей отношение к танкам.

Глава 5

Е

щё из детства

У каждой старины есть свои прелести и, конечно же, у каждого детства есть свои яркие события. Эти события отдельных кусочков жизни на всю жизнь остаются в памяти. Они похожи на четкие картинки, запечатлевшие какой-то отрезок жизни, вырванный из длинной череды бесчисленных событий, из которых и состоит наша жизнь. Почему именно эти кусочки запоминаются, едва ли кто-нибудь знает. Иногда запоминается хорошее, иногда печальное. Бывает и так, что в детстве что-то кажется веселыми забавным, а, повзрослев, понимаешь, что это была жестокая драма.

Вот о нескольких таких картинках и хочу рассказать.

В старину – а 50 лет для человеческой жизни – это действительно старина, – в старину под железнодорожной станцией «Зеленый Дол» были замечательные заливные луга с множеством красивых и разнообразных озер. Эти луга и озера не только доставляли удовольствие для души и сердца, но и являлись источником питания для многих людей. А это было, ох как важно в 1931-33 годы!

В семь лет меня научили собирать дикий лук и щавель. Больше собирали дикий лук. У нас были свои фанерные чемоданчики, ловко и красиво сделанные руками отца и стар-

ших братьев. С этими чемоданчиками мы с кем-нибудь из братьев постарше рано-рано уходили на луга собирать этот самый заветный дикий лук. Вставать рано, разумеется, мало радости. Но пока шли немного по лесу, просвеченному горизонтальными лучами восходящего солнца, а затем выходили на мокрые от росы луга, настроение становилось таким чудесным, мир становился таким прекрасным, что забывалось постоянное «есть охота».

Утром очень хорошо собирать лук. Правда, ноги мокрые от росы и им немного холодно, но роса вскоре высыхала, ноги согревались, а обувь сушить не было надобности, ее просто не было. Зато лук из-под росы такой упругий, такой твердый и приятный на ощупь и на вкус! Набив свои животики и чемоданчики луком, к полудню возвращались домой, и принимались за обработку. Иногда это делали прямо на опушке леса по пути домой.

Лук очищался от случайных травинок и сухих побегов, сортировался на два сорта. Первый сорт нужно сложить в ровненькие пачки, аккуратно связать их и помыть холодной водой. Второй сорт идет в распоряжении мамы. Она сделает пирог или что-то другое, но горячее для всей семьи.

Первый сорт мы вдвоем с братом несем на станцию. Почти всегда нам удавалось продать его пассажирам проходящих поездов.

Часов в 11-12 ночи нужно занять очередь в коммерческий хлебный магазин. Утром, после открытия магазина, нужно

на вырученные от лука деньги купить этот самый коммерческий хлеб. К сожалению, сделать это удавалось не всегда. Хлеба мало, а голодных много.

С этим коммерческим магазином связано еще одно событие.

В один из дней таких двухдневных операций в момент открытия магазина в очереди стоял я (мы с братом хранили очередь посменно). Как только был снят замок с двери, вся толпа нахалов у двери, и все те, кто смог попасть из очереди, набились в небольшое помещение магазина. И я оказался там, даже около прилавка, но человек за 10-15 от весов. Стихийно возникла очередь вдоль прилавка из обрывков ночной очереди, и из втершихся без очереди. Эта очередь была плотно притиснута к прилавку беспорядочной, но еще более плотной толпой, заполнившей всю площадь «торгового зала».

Несколько минут, пока продавец готовился к работе, было чем дышать. Но дальше стало хуже. Мой семилетний рост мне позволял вдыхать воздух только на уровне тех частей тела, которые у взрослых предназначены, отнюдь, не для вдыхания. Моя голова была плотно зажата между двух взрослых тел. Хотя голове было и мягко, но дышать было очень плохо.

Чем хуже мне было, тем отчаянней я боролся за существование. Старался повернуть лицо в сторону, где можно глотнуть воздуха, но не очень удавалось шевельнуться. В конце концов, начал издавать крики и пiski, которые заглушались

гулом толпы. Последняя мысль была о том, чтобы не выпустить из кулачка деньги, а последнее, что я слышал, был крик стоящей за мной женщины: «Мальчонку задавили, ироды!»

Дальше было как в калейдоскопе, быстро и разрозненно. Чьи-то руки, много рук, толкают меня в спину. Я лежу на твердом, и чувствую небывалую прелесть воздуха... Кто-то трогает мои пальцы. Первые слова, дошедшие до моего сознания, были: «Кулачок-то с деньгами не разжал, сердешный».

Оказалось, произошло обыкновенное дело. На крик женщины толпа как-то среагировала, дала возможность выдернуть меня из тисков между передней и задней частями женщин и передать на руках над головами на выход.

На крыльце через какое-то время я пришел в себя и ушел домой без хлеба, но зато не потерял деньги.

Мама моет полы в нашей новой квартире. Из барака, где мы жили с артелью плотников, мы перебрались в другой барак, разделенный на квартиры дощатыми перегородками. Перегородки на 30-40см не доходят до потолка, чтобы тепло распространялось. Это уже семейный дом – не барак.

Когда мама моет полы, я должен сидеть на сакэ (проще говоря, нары, где спали четверо братьев). Старшие уже разошлись по своим делам, я один. Мне тоже хочется идти, но мама не велит сходить на пол, пока не высохнет.

Созрел план. Если с сакэ прыгнуть на скамейку, а с нее на

табурет, то дальше можно допрыгнуть до порога. Принято. Стою на скамейке. На табурете лежит помятая газета. За нее ругать не будут. Прыгаю на нее ... и с криком валюсь пол. Под газетой оказался только что вынутый из печки казеиновый пирог.

Казеин это клей для изготовления фанеры, но он делается из отходов молока. Если найти что-нибудь подобное муке и раскатать тесто, а вовнутрь залить кашичу из разведенного в воде клея, то получится пирог. Когда он остывает, получается нечто подобное современным плавленым сыркам, но, разумеется, далеко не таким вкусом.

Горячий пирог с такой начинкой плотно облепляет ногу и печет беспощадно. Не вдруг сотрешь и не сразу смоешь!

Пока мама не опомнилась, я это проверил на себе. Затем мама стала вытирать мою ногу руками – растерялась бедная. И сама, поняв безрассудность затеи, и почувствовав боль в руках, стала вытирать половой тряпкой. Только потом сообразила окунуть мою ногу в ведро с водой, которой мыла пол.

Первая отчаянная боль стала униматься, но возникла боль за испорченную еду для всей семьи. Мама успокоила, что раздавленный пирог тоже можно есть.

Через несколько дней я уже бегал.

Довольно позднее время дня. Четверо братьев пришли откуда-то вместе. Возможно, играли где-то, или из бани ли, или по хозяйственным делам ходили – например, собирать ветки

для козы, не помню. Вот усадила мама нас четверых за стол чай пить. Что-то было, надо полагать, и поесть.

Запомнилось другое. Такие милые заботливые глаза мамы около нас и ее беседа с нами.

Старалась говорить о чем-то веселом, радостном. Затем она сказала, чтобы мы подумали хорошо и сказали, что бы мы очень и очень хотели сейчас.

Ответы нас, двоих младших, я не помню, но ответы старших запомнились на всю жизнь и, уже взрослому жгут душу. Один, из двоих старших, помоложе, который впоследствии в свои 22 года погиб на фронте, мечтательно ответил, что он хотел бы досыта поесть белого хлеба.

На большее у него фантазии не хватило. Это в 14 – то лет!!!

А самый старший «размечтался» еще больше. Он хотел досыта поесть белого хлеба с яблочным вареньем.

Об этих мечтах братьев я не рассказываю. Скажут, что это неправда. Если даже я упоминаю нынешней молодежи о тяготах на фронте и в тылу во время Отечественной войны, получаю ответ: «То было тогда, а сейчас другое время».

Глава 6 1941 год

Весна 1941 года для нас отличалась от других весен обилием вешней воды. В прежние годы каждую весну нашу квартиру в полуподвальном помещении на улице Федосеевской вода заливала только на 30-40 сантиметров. В этот период все наше имущество поднималось на столы, стулья,

кровати и разные временные сооружения.

Мама с младшим сыном (4 года), переходила жить к родственникам, а остальные продолжали жить в «венедианских условиях». Только вместо синего неба над головами был белой потолок, а вместо южного солнца – керосиновая лампа. Этот период был интересен тем, что мы могли играть в любые «морские» игры. Только ноги зябли до колен в грунтовой или снеговой воде.

В остальном было очень интересно. В нашем распоряжении были таинственные заливы, пороги (дверные под водой), даже черная пещера была, так как одна из печек затоплялась до поддувала.

Совсем стало весело, когда купили игрушечную пароводяную лодку, работавшую от елочной свечки. Все было «хорошо», но весной 41 года нас так залило, какие-то начальники нас переселили в аварийную квартиру, где мы жили (опять) три семьи в большой комнате, перегороденной занавесками из подручных средств.

Первое страшное известие о войне я услышал от нашей родственницы, к которой мы с мамой поехали утром. Первое сообщение было, видимо тогда, когда мы были в пути к ней.

Едва мы переступили ее порог и поздоровались, она спросила: – «Слышали? Война!».

Ей довольно долго пришлось втолковывать нам смысл этих двух слов. Тяжелейший период для всей нашей страны для меня начался вот так.

Через месяц ушел добровольцем на фронт старший брат. Один брат к началу войны уже служил в воздушно-десантных войсках. Отца тоже вскоре не стало.

О продолжении учебы не могло быть и речи. Но на работу без паспорта еще не принимали. Пришлось ходить по городу и читать объявления, чтобы найти такую работу, куда бы приняли без паспорта. Где-то требовался курьер. Обязанности курьера я представлял весьма смутно, но пришел по адресу. Там несколько женщин начали меня активно убеждать, что необходимо учиться, а не работать курьером. Мои слабые возражения, что дома две женщины (мама и жена старшего брата) и два ребенка до 4 лет, что есть нужно всем, а учиться не обязательно, рьяными агитаторами не принимались к сведению. Они может, и не слушали их. Они были увлечены моим воспитанием. Обида и горечь перебороли мою выдержку. Я поспешно ушел, чтобы они не видели моих первых горьких слез войны.

Но вот нашлась работа. Один наш родственник работал в Госстрахе. Он взял меня в помощники. В мои обязанности входило заполнение различных извещений и доставка их по адресам застрахованных. Хотя хлебная карточка у меня оставалась «иждивенческой», но я обедал в столовой и получал сколько-то денег. Я был доволен, что помогаю семье. Моя деятельность на ниве Госстраха продолжалась несколько недель. Мой опекун был призван в армию и вскоре погиб. С его уходом я остался опять без работы.

До получения паспорта оставалось чуть больше месяца. За это время мы немного запаслись овощами. За рекой Казанкой были совхозные огороды. Из-за нехватки рабочих, призванных на фронт, там можно было работать поденно любым желающим (в основном, детям). Платили натурой, из расчета 10% собранного и сложенного на месте урожая. Из своей доли платили лодочникам за перевоз.

Получение паспорта, конечно, событие, но мне запомнилась «картинка» на другой день после получения документа. Дело в том, что еще до войны мне очень и очень хотелось ходить со старшими братьями на вечерние сеансы кино, а особая мечта была – попасть вечером в цирк. В то время были знамениты борцы Хаджи Мурат, Ян Цыган, Яунзе, Алупский, Верден и др. На дневных представлениях борцы не выступали. Так вот. На другой день я купил билет в цирк и с паспортом в кармане пошел на вечернее представление. Меня, естественно, контролер отстраняет властной рукой в сторону (даже через год, когда я уходил в армию, мой рост был 149 см).

– Мальчик, не мешайся!

– Я не мешаюсь, я иду в цирк.

– Нужно было приходиться днем.

– А я хочу вечером!

– Вечером придешь, когда получишь паспорт.

И я гордо достаю из кармана «дубликатом бесценного груза» свою красную книжицу. Суровое выражение на

лице контролера меняется на шутивно серьезное, но, с каким-то непонятым оттенком во взгляде. Этот оттенок я долгие годы не мог забыть. Только много лет спустя понял, что это было сострадательное и жалеющее выражение пожилой женщины, возможно, уже познавшей за эти 4 месяца горькое горе войны. Действительно, вид маленького изможденного мальчика, радующегося возможности посетить вечернее представление и не подозревающего, что его ждет в ближайшее время, не мог не вызвать сострадание.

Теперь, имея паспорт, можно было смело поступать на работу. При этом на такую работу, где и зарплата побольше, и хлебная карточка на 800 грамм в день. Это уже кое-что! 600 грамм для дома, а 200 – на обед.

Поступил на эвакуированный из Ленинграда оборонный завод. Цех, где я работал, находился в старом здании завода искусственных кож, за ТЭЦ-1. Работали с 16-00 до 4-00 (или, наоборот) в две смены без перерыва на обед. Обедали после смены с 4-00 до 5-00 (или с 16-00 до 17-00). Обед почти всегда состоял из горохового супа и немного овсяной каши. В супе, кроме 1-2 ложек гущи и воды, было много гороховой шелухи. Она не давала ощущения сытости, но живот от нее болел. Один из друзей, побойчее меня, научил нас получать дополнительное питание. Поев свой суп, мы сливали из оставшихся на столе мисок воду с шелухой и шли показывать повару несостоятельность «своих порций». Чаще всего, он наливал еще.

Все было терпимо, но зимой перестали ходить трамваи. Некому стало чистить заносы, а может, и другие были причины. Теперь на работу ходил (жил около Кремля) 2,5 часа в один конец. Домашнего времени оставалось только 6 часов, которых не хватало и на сон. А спать очень хотелось после 12 часов работы на ногах у станка и 5 часов ходьбы. Выходных и праздников не было.

Моим мастером был седой старик, соратник Михаила Ивановича Калинина, с которым они в молодости работали на станках на этом же заводе. К сожалению, не помню его имени. Однажды он постоял около меня и сходил за ящиком. Опрокинул его около моего станка и ласково потрепал по плечу:

– Встань, сынок, на него. Так стружка будет лететь тебе на грудь.

Действительно, какое это облегчение, когда горячая латунная стружка и опилки бьют не в голую и потную шею, а на закрытую рубашкой грудь. Чтобы это понять, надо испытать! Смена-то без перерыва 12 часов.

Вот так было до декабря 1942 года, когда моих сверстников стали призывать в военкомат, а меня не вызывали. Тогда я сам пошел туда. Оказалось, что по какой-то ошибке, я не состоял у них на учете. Так была восстановлена справедливость и я 5 января 1943 г. был уже на сборном пункте с кружкой, ложкой и парой белья.

До предела видимости провожала мама. В рыдающей

и кричащей толпе она выделялась гордым и молчаливым взглядом грустных, но без единой слезинки глаз.

Некоторые провожавшие женщины бросали на нее удивленные и несколько осуждающие взгляды. Но я – то знал, что будет дома. Она до меня уже провожала двоих сыновей и мужа. Ни разу при отъезжающих не проронила ни единой слезинки. Дома она ночами тряслась в рыданиях не одну неделю после каждого тяжелого проводов. К моему отъезду она уже знала, что муж и один сын никогда обратно не вернуться.

Так я ушел в неизвестность военной службы.

Глава 7 Эшелон 1943 года

5 января 1943 года. Мы на одной из железнодорожных станций Татарии. Здесь сборный пункт. Отсюда погрузимся и куда-то поедем. Куда поедем – это нам неизвестно. Знаем только, что идет война.

Нас пятерых разместили в маленьком доме, где хозяйничала бабушка с тремя внучатами. Тесноту не замечали. Ни о тесноте, ни о фронте, смерти и других неприятностях мыслей не было. По каким-то неизвестным психологическим законам мы были бодры, веселы и несколько бесшабашны. Нам было по 17 лет.

Почти все имевшиеся у нас деньги, мы оставили в сельском магазинчике, куда с ближайшего спиртзавода в бочках из-под керосина, привозили водку. Видимо, другой тары не было. Пили смесь керосина с водкой. С чего больше дурели, не знали. Но никаких неприятностей не было, хотя народа

было много и разного.

Опять работал тот неизвестный психологический закон. Все чувствовали сплоченность, дружелюбие, общность предстоящего. Если в обычной обстановке при массовом и обильном потреблении спиртного неизбежны скандалы, драки и т. д., то при ожидании общих для всех неизвестных, но неизбежно тяжелых, событий не было ни одного серьезного конфликта.

Так прошло 5 дней. Во второй половине дня подали эшелон. Нас распределили по вагонам. Я попал в числе 105 человек в четырехосный вагон. Этот вагон предназначен для перевозки 50 тонн груза, но для перевозки людей он мало подходит. Тем более, что в вагоне голые стены и полы, людей 105 человек, а мороз январский. Ну и что же? Война!

Пока грузились и отправлялись, стемнело. Предстояло ночевать в закрытом вагоне, в котором, кроме голых стен, ста пяти мальчишек и их тощих мешков, абсолютно ничего не было. В двух концах вагона, подальше от дверей и стен, образовались две кучи сидящих и лежащих людей. Постепенно кучи перемешивались и росли до 3-х слоев по высоте. Никому не хотелось быть близко к стене и полу. Никаких скандалов. Каждый молча перебирался к центру кучи и, если удавалось, засыпал. Происходило все в абсолютной темноте и жутком морозе. Проснувшись, в очередной раз, пытаюсь пролезть выше, так как чувствую жгучий холод от стены, но меня что-то держит. Полá пальто не выдергивается. Дергаю изо

всех сил. Зажато намертво. Ощупью, перебирая пальто, выясняю причину. Полá капитально вмерзла в лед на стыке пола и стены. Достая нож и пытаюсь сколоть лед. В крошечной темноте эта работа малорезультативна, да и опасна – можно задеть человека. Отрезаю вмерзший угол полы, прячу нож и опять в кучу. С рассветом ожили, открыли два оконных люка. Немного стало холодней, но стали видеть обстановку. Все углы и стены во льду. Все же 105 человек надышали, даже если не считать других источников влаги.

Из-за загруженности дороги наш эшелон иногда останавливался. Выяснилось, что едем на восток. Реакция разная. Не сразу на фронт! – одна реакция. Долго так не попутешествуешь! – другая.

Первые сутки жили на остатках своих сил и харчей. На вторые сутки начали обживать вагон и получили по кусочку брынзы и кирпич хлеба на четверых. В вагоне появились доски, несколько ломов, «позаимствованных» у железнодорожников на остановках. Ломы годились для дележа хлеба. Хлеб клали на доску и слегка обстукивали ломом вдоль буханки. Затем резким ударом раскалывали пополам. Таким же способом раскалывали на четвертинки, которые полдня оттаивали за пазухой. На каждой остановке человек 70-80 только из нашего вагона разбегались в поисках всего, что нам годилось. Так, через неделю или чуть больше, у нас появились нары в 3 яруса, две буржуйки, ломы, 2 топора, доски на дрова, уголь, несколько разных кастрюль и другой посу-

ды, в которых стали поочередно варить пошло из горохового концентрата. Через несколько дней мы уже спали без пальто, хлеб стали отогревать сутки, а ели вчерашний отогретый паек, который можно резать ножом. Жизнь наладилась. Все внешне успокоилось. Сразу же кого-то потянуло на пакость. с верхних нар бросил махорку в бачок с концентратом. Виновник был избит. Больше ни у кого не возникало подобного желания.

Вопросы с теплом и питанием были решены, но с питанием было неважно. Сухари и силы кончились, перешли на паек. Этот паек, надо полагать, изрядно расхищался. Позже мы узнали, что такое армейский сухой паек, но тогда никто об этом не имел представления и думали, что так и положено.

На пристанционных базарах оставили последние рубли, если у кого еще оставались. Дальше стали «брать займы». Обычно эта операция начиналась с торговли и просьбы уступить в цене, а заканчивалась не очень удачной, но распространенной фразой, претендующей на юмор: «Ваш министр нашему министру должен». После этого «покупатель» уходил к себе в вагон, не обращая внимания на недовольство торгового партнера. Основным продуктом на базаре были пирожки с картошкой и замороженные плитки молока. Эти плитки, отлитые в мисках или тарелках, имели форму дисков. Бежит вдоль эшелона будущий солдат в гражданской одежде, весь в угольной пыли копоты, часто одежда в нескольких местах изодрана, а из охапки выпадают молоч-

ные диски, очень неудобные для такого способа транспортировки. Такие картинки были на каждой остановке Сибири, пока не начали предупреждать по телефону следующие станции о приближении эшелонов. Тогда нас уже ждали пустые базары.

Через 28 дней такого путешествия мы покинули свой обжитой, но очень суровый в первые дни «пульмановский» вагон. На небольшой дальневосточной железнодорожной станции, находящейся в 8,5 километрах от маньчжурской (ныне китайской) границы нас ждали представители воинской части.

Здесь нам предстояло обучаться воинскому ремеслу, обучать «новичков» 1926 года рождения. Между делом бегать по тревоге на границу и отбивать или уничтожать мелкие подразделения японской армии, систематически нарушавших нашу границу.

Оттуда мы уходили громить Квантунскую армию, туда же вернулись после капитуляции Японии. Только потом воинская судьба закинула меня в другие места.

Но, с момента выгрузки из эшелона, и до начала поездки в эти края, еще нужно было прожить, до жути тяжелых, по современным меркам, невыносимых 32 месяца.

Глава 8

Служба начинается

Служба на месте дислокации началась со столовой. Первый армейский обед нам показался намного лучше, чем мы наслушались об армейском питании в тыловых частях в 1943 году.

Но очень скоро мы поняли, что на первоначальную оценку обеда сильно влияли еще сохранившиеся сухари и почти месячная тряска в товарном вагоне без горячей пищи (если не считать болтушки из горохового концентрата и кипятка). Свою ошибку мы поняли сразу, как только переночевали одну ночь в помещении без колес (хотя и полуземлянка с тройными нарами), а наутро отобрали наши сухари. Завтрак уже не привел нас в столь благодушное состояние. С этого дня стало ясно, что нашему пищеварительному аппарату сильно утруждать себя работой едва ли придется.

С сухарями произошла вот такая история. После подъема было построение «с вещами». Возникли мысли, что нас куда-то поведут в другое место, но нас довели только до умывального сарая, где были расставлены пустые деревянные бочки. Выслушали короткую речь о том, что сухари могут привести к заболеванию желудков и плохому усвоению армейской пищи. Оказывается, мы будем еще сильнее страдать, когда они у нас кончатся. Нам казалось, что желудок

скорее заболит без сухарей, а страдать, как известно, предпочтительнее позже, чем немедленно. Но разговаривать в строю нельзя, а чтением наших мыслей старшина Мякинников не стал заниматься. Он просто подал команду: «Развязать мешки!» Что мы с сожалением сделали, предчувствуя, что нашим сухарям суждено оказаться в бочках. После следующей команды это мы и сделали собственными руками «справа по одному». Себе оставили только мешочки с махоркой. Их следовало сдать в каптерку старшины, а пустые мешки с заплечными веревками сложить около бочек.

Махорку сдали в каптерку и налегке пошли на завтрак, а из столовой в гарнизонную баню. Там работал конвейер. Длинный барак. Заходим с одного конца. Небольшая комната. Нас человек 30 (партиями входим). Потом оказалось, что это не партия, а взвод в 36 человек.

Против входа еще одна дверь, а справа открытое окно в другую комнату. Команда: «Раздеться! Одежду бросать в окно! С собой брать только документы, деньги и носовые платки». Денег не было ни у кого – это точно, документы остались у сопровождавшего нас в эшелоне человека, а платки, кое-кто из особо культурных еще сохранили. Один смельчак осмелился спросить:

– А что будет с нашими шмотками?

Ответ был краток – «в фонд обороны». Эта фраза тогда была популярна, ее часто слышали. Но когда я бросал свою одежду в окно, видел не совсем обычный способ доставки

одежды в фонд обороны. Там, два-три старослужащих воровато оглядываясь через плечо, набивали армейские вещевые мешки одеждой поприличней, и исчезали за наружной дверью. Тотчас на смену им заходили такие же, с такими же мешками, но пустыми.

Моя гордость, мой пиджак, впервые в жизни сшитая «на заказ» одежда немедленно исчезла в очередном мешке. До этого пиджака все, что я надевал, было сшито руками мамы или куплено в магазине. Но этот пиджак! Ему даже в «фонд обороны» не суждено было попасть.

Расставшись с пиджаком и прочими излишествами, я попал в следующую комнату, где шестеро солдат быстро оформили нас «под нулевку». Получили по кусочку мыла величиной с половину спичечного коробка и прошли через следующую дверь с все более облегченным телом и более отягощенной душой.

Встали по два человека под каждый душ. После чьей-то команды полилась вода. Я пытался получше намылить оголенную после месячного копчения и пыления голову, но меня отвлекла небольшая косточка, пребольно вонзившаяся из мыльного куска.

Пока я пришел в себя и извлек кость из мыла, мылся мой напарник. Видя, что голову я оцарапал до крови, он уступил мне место под душем, но в это время вода перестала литься. Вместо нее была подана команда:

– Выходи быстро в следующее помещение.

Я туда пошел со слабой надеждой увидеть там тазы с водой, но нам раздали вафельные полотенца размером 25x50 см и нательное белье размером на двоих или троих таких, как я.

Стуча зубами от холода, утерлись и оделись. В следующей комнате получили все остальное солдатское обмундирование, в том числе «будёновки» – шлемы с шишаками на темени и старые шинели со штопками, заплатами и плохо промытыми бурыми пятнами.

Самое непонятное было с обмотками. Местные инструкторы нас смогли обучить только настолько, сколько требовалось, чтобы не выносить обмотки из бани в руках. Эта наука мотать «двухметровые голенища» нас еще ждала впереди, как минимум на протяжении 3-4 месяцев. Долго еще нам приходилось нервничать или смеяться над другом, когда, одеваясь по тревоге, мы выпускали из рук рулон этого «голенища», имеющий неукротимую привычку быстро разматываться по полу среди копошащихся и спешащих наших коллег. Тогда для того, чтобы намотать эту «змеюку» на ногу, надо ее снова свернуть в рулон. А это же время! Да еще кто-нибудь «ненароком» наступит на нее. Все это в темноте, при тусклом свете коптилок с ружейным маслом!

Но все это было еще впереди. Пока мы окончательно облачились во все солдатское, и вышли из этого барака-конвейера через двери в противоположном от входа конце.

Каждый искал своих товарищей, но по внешности найти

не мог. Я тоже обошел всю толпу новоиспеченных солдат, стоял и озирался во все стороны, но не нашел своего друга. Тогда я громко позвал его по имени. Оказалось, что он стоит рядом со мной и тоже (как и все) озирается, но в поисках меня. Немудрено было наше повальное неузнавание. Большие и старые шинели на нас висели балахонами, прославленные, но непривычные буденовки с шишаками закрывали всю голову, затылок и подбородок, обрамляя впервые за месяц (и более) чисто отмытые наши лица. В таком виде нас построили и привели «домой» в наши полуземлянки.

После ужина состоялось возвращение мешочков с махоркой. Эта процедура происходила так. Старшина брал из своей каптерки один мешочек, поднимал его над головой и спрашивал :

– Чей?

Это был более чем странный вопрос, так как при сдаче мешков в каптерку, он сам требовал, чтобы каждый написал химическим карандашом свою фамилию. Но оказалось, он знал, что делал. Если никто не отзывался на его вторичный вопрос, мешок летел обратно в каптерку, но в другой угол. А узнать свои мешки было непросто, потому, что они уменьшились почти наполовину. Не признавших свои мешки набралось немало. Я узнал свой мешочек по белизне и по буквам на нижней половине мешка (верхняя половина была уже под завязкой). Развязав мешок, я убедился еще и в отсутствии новых теплых перчаток, которые мама дала в запас.

На мои наивные попытки вернуть их себе, ответ был краток – «никаких перчаток не было!» Так была решена проблема мешочков.

После отбоя мы услышали осторожное похрустывание со стороны постелей наших младших командиров. Наутро более дотошные новобранцы обнаружили под их соломенными тюфяками еще по одной наволочке, но не с соломой, а с сухарями. Они то и хрустели в зубах командиров, укрытых с головой одеялами. Так была решена судьба наших сухарей.

Дальше пошла наша курсантская жизнь. Мы были в отдельном батальоне, где готовили младших командиров для всей дивизии.

Наступила весна. Теперь реже стали ходить в тайгу за дровами, но старшина задумал строительство «летней резиденции» для себя. Для этого, в течение нескольких недель, ежедневно, после занятий военной подготовкой ходили в тайгу за жердями. Нужно было отобрать ровные и определенной толщины молодые деревья, срубить их, очистить и принести на «стройплощадку». Близко рубить нельзя, а далеко в тайге разбредаться в поисках нужного молодого дерева небезопасно. Можно так забрести, что и не выбредешь. Да и нести длинные жердины через тайгу – проблема. Но все же построили большой сарай из жердей, покрытый жердями и хвоей. Это строительство доставило удовольствие одному человеку из всей роты – ротному старшине.

Про него можно было бы рассказать очень много. Забегая вперед, скажу лишь, что нашелся человек, который вывел на чистую воду его проделки. Воровство обмундирования, постельных принадлежностей, махорки; использование солдат в корыстных целях (в том числе и «запрягание» солдат в плуг для посадки капусты) и ряд других пакостей, которые не перечислять, были выявлены. Но нашелся и другой человек, который все это «спустил на тормозах», а старшина отделался разжалованием и отправкой в автороту дивизии водителем.

Глава 9 Военврач

Как и в любой воинской части, в нашем батальоне был военврач – капитан медицинской службы. Фамилию капитана я не помню. Фамилии военнослужащих запоминаются хорошо потому, что при докладах и рапортах они называют свою фамилию в конце доклада.

Доклады строевых командиров старшим командирам солдаты слышат часто. Это происходит в их присутствии. А доклад военврача можно и ни разу не услышать.

Фамилию капитана не знали, но офицеры батальона обращались к военврачу просто – «Роза Сабитовна». В это обращение они вкладывали и уважение и нежность. Роза Сабитовна была несколько близорука, но очки надевала только при чтении. Поэтому без очков она смотрела чуточку прищурившись. Это придавало ей еще больше привлекательности. Офицеры были в нее влюблены, а солдаты (вчерашние пацаны) смотрели на нее как на нечто недостижимое, боже-

ство. Разница в возрасте и звании не допускала влюбленности в обычном понятии.

Роза Сабитовна несколько раз останавливала меня, когда я бежал исполнять приказание какого-либо своего командира, словами:

– Сагитов, почему Вы бежите?

При этом она смотрела через свой обычный прищур и останавливала меня за плечо или за руку. Слова она произносила медленно и ласково.

– Выполняю приказание, товарищ капитан, – отвечал я обычно.

– Не надо бегать! Выполняйте шагом, Вы такой худенький.

Она была права. Через год службы я весил 39 кг 800гр.

В конце января 1944 года Роза Сабитовна пришла в нашу казарму во время занятий на турнике (кусок трубы между двумя столбами землянки). Постояла, посмотрела, как многие из нас трепыхались на трубе, безнадежно пытаюсь забросить ноги на нее. Это скорее напоминало развешенное для сушки нижнее белье при слабом ветре.

После моей попытки забросить свои кости на трубу, Роза Сабитовна подозвала меня к себе и задала несколько вопросов о моем здоровье. Затем нажала на правый бок живота и спросила, больно ли. Я ответил утвердительно. Она велела мне завтра прийти в медпункт и ушла.

На другой день я получил направление в госпиталь с диагнозом «аппендицит» и после обеда отправился туда в сопровождении санитарного инструктора нашей роты.

Операция прошла удачно, шов начал зарастать, но сантиметра 2-3 не зарастало дней 10-12. В конце концов, во время очередной перевязки из ранки показался конец длинной нитки от тампона. Нитка была извлечена, и ранка вскоре зажила.

Из палаты выписывают в команду выздоравливающих. Там выполняют некоторые легкие работы, набираются сил и затем отправляются в свою часть.

Обычно в этой команде бывают 1-2 недели. Но командир медсанбата продержал меня больше. Теперь я уверен, что это тоже было сделано не без участия Розы Сабитовны.

В свою часть я вернулся в марте 1944 года значительно окрепшим. В батальоне остались только командиры. Курсанты были из вновь прибывшего состава 1926 года рождения.

Весь рядовой состав 1925 года был отправлен на западный фронт. Вскоре начали получать письма с сообщениями, кто убит или ранен из состава нашей роты.

Читать о гибели товарищей, оставленных мной в этой землянке при уходе в госпиталь, было и странно и жутко.

Так вмешалась в мою судьбу военврач, капитан медицинской службы Роза Сабитовна, ставшая вскоре Федосимовой, т.е. женой нашего командира роты.

А мне по возвращении из госпиталя присвоили звание

младшего сержанта. Я стал командиром отделения. Через 2 месяца получил звание сержанта и начал обучать курсантов воинскому делу в должности помощника командира взвода.

Глава 10

Тяжелая учеба и легкие бои

Обучение нового пополнения стали проводить особенно интенсивно. Нарушения границы японцы начали совершать все чаще, а у нас курсанты еще не приняли присяги.

Принимать участие в боевых операциях необученным и не принявшим воинской присяги солдатам не разрешалось.

Поэтому обучение проходило на пределах физических возможностей, чтобы быстрее подготовить людей. Подготовили несколько позиций для каждой роты с блиндажами и ходами сообщений «в полный профиль». Только одна эта работа при полускальных и скальных грунтах с переноской крепежного леса не менее чем за 1 километр, истощала людей до предела.

Кроме того, боевая подготовка, марш-броски, почти еженощные боевые тревоги с броском до позиций – от 2 до 8 км! Даже самому сейчас не верится, что можно выдержать такую нагрузку при далеко не курортном питании и бытовых условиях.

Были случаи, когда за одну ночь объявлялось до трех боевых тревог. В этих случаях спать удавалось 3-4 раза не более чем по 20-30 минут.

Из-за истощения случались и драматические и трагические происшествия. На стрельбище появилась какая-то со-

бака. Командир части для собственной тренировки выстрелил в нее из пистолета с 50 метров. Один из самых крупногабаритных солдат побежал к ней. Командир окликнул его, но тот на ходу крикнул, что он снимет с собаки шкуру. Командир разрешил. Наутро под подушкой этого солдата обнаружили два котелка вареной собачатины. Один котелок был наполовину опорожнен. Солдат получил пять суток гауптвахты, где страдал расстройством желудка.

Другой солдат был застигнут замполитом в кустах, когда варил картофельную шелуху с выброшенными на свалку побелевшими жабрами соленой кеты. Этот солдат тоже попал на гауптвахту.

Один часовой, охранявший продовольственный склад, поднял половицу снизу, проник в склад и набрал 3-4 кг пачки, предназначенного для дополнительного пайка офицерам. Показательное заседание военного трибунала определило 8 лет заключения без права отправки на западный фронт.

Это запрещение отправки было не случайным, так как почти весь сержантский состав (в том числе и я) неоднократно писали рапорты с просьбой отправить на западный фронт, но получали отказ. Если бы трибунал не сделал в приговоре такой оговорки, могли начаться повальные преступления.

После принятия присяги молодым пополнением наш батальон начал принимать участие в отражении и ликвида-

ции мелких групп японцев, нарушавших границу. Обычно их было от взвода до роты. Изредка больше.

Занятия и тревоги продолжались, но теперь мы не знали, когда учеба, когда бой. При каждой тревоге с собой были по 2 диска к автомату и по 2 гранаты. Они могли пригодиться в любую минуту.

К физическим перегрузкам добавились психологические. Дошло до того, что когда выяснялось, что тревога учебная, все были разочарованы и злы. Удовлетворения от того, что принес пользу и уничтожил или отбил врага – не было. Была злость за то, что напрасно не дали поспать.

В период особо сильной психологической нагрузки произошли два печальных случая. Один солдат застрелился, когда стоял на посту часовым. А через несколько дней один хороший парень во время перестрелки с японцами встал во весь рост и пошел на японцев, строча из автомата «с бедра». Парень явно напросился на пулю.

Зимой через р. Уссури японцы начали перегонять стада кабанов, изредка – косуль. Иногда среди них, особенно среди косуль, проникали к нам японцы, накрытые шкурой. Чаще всего, как нам объясняли, это делалось не для сопровождения диверсантов, а для распространения у нас различных эпидемий через зараженных животных. В том и другом случае эти животные расстреливались до единого, если не убежали обратно к японцам.

Японцы присмирели только в 1945 году, где-то в февра-

ле-марте.

В те годы нам было категорически запрещено писать в письмах о стычках с японцами.

За все время провокаций со стороны японцев в нашей роте погибло человек 8-10. В моем взводе были трое раненых, которые к началу войны с Японией вернулись в строй.

Я сам не был задет ни пулей, ни гранатным осколком. Пришлось только более 2 –х недель пробыть в медсанбате с обморожением ступней. Получилось некоторое осложнение, так как портянки крепко примерзли к ногам. Когда ребята силой сдернули сапоги, портянки с кусками кожи со ступней остались в сапогах. Из ободранных мест кровь пошла только через некоторое время, когда поверхность ног несколько оттаяла. Это я догадался только потом, а в то время ничего не чувствовал, плохо понимал происходящее и полностью отдался во власть санинструктора.

Лето 1945 года начиналось с некоторыми, весьма ощутимыми облегчениями в нашей службе.

Японцы утихли. Занятиями особо не напрягались. Батальон был уже обстрелянным и боеспособным.

Вскоре отметили Победу над фашистской Германией.

Во время салютной пальбы одному из солдат досталась на память небольшая шишка на голову от головной баклашечки сигнальной ракеты, запущенной кем-то вертикально. Это событие только усилило веселье и восторги солдат. Здоровью «именинника» не повредило.

Глава 11

Е

ще раз война

Не пришлось нам долго отдыхать от интенсивных занятий и оборонных работ. В июне вышли лагерем к самой границе. От пограничной полосы нас отделяла только одна гряда сопки. Все началось по старым, уже знакомым нам режимам. Несколько тревог ночью, марш-броски то на левый фланг, то на правый. Иногда на флангах готовили позиции. Работали ночами и скрытно. Во всем было уже пройденное, только не было нарушений границы. С одиночками справлялись пограничники. Даже учебных стрельб не было.

Однажды днем вышли на обзореваемый с японской стороны склон сопки, разметили и начали копать повзводные позиции. Склон был поросший стланником и мелколесьем. В целях маскировки работали в гимнастерках, невзирая на жару. Грунт состоял из осколков скалы, перемешанных и спрессованных с глиной. Лопата не брала, а лом и кирка вязли в глине. Норма на человека была очень велика. Люди падали от изнеможения. У нас первым упал Петя Путилин, худее всех и длиннее всех был солдат. Его вытащили из траншеи и уложили под кустом. Через несколько минут он опять спрыгнул рядом со мной.

– Почему не лежите, Путилин?

– Да ведь Вам тоже тяжело, товарищ сержант.

При этих словах его глаза выражали такое адское утомление, такую муку! В то же время передо мной стоял человек кристальной честности, готовый на все ради общих дел со своими товарищами. Несмотря на свою молодость, я тогда понял, как глаза могут открыть всю душу человека.

Вдруг к нам поднялся командир дивизии в сопровождении нашего комбата и своей свиты. Поговорил, порасспросил и дал команду работать в нательных рубашках.

– Пусть японцы видят, что мы не дремлем! – пояснил он свое решение.

На следующий день после окончания строительства позиции наш взвод отправили в караул охранять зимний городок батальона в городе.

В моем взводе было 9 человек пожилых таежных охотников. Из них один попросился со мной, его семья жила в городе, а остальных комбат оставил при себе.

Мы сменили караул и стали нести караульную службу в городском расположении. Прилично отдохнули. Через несколько дней этот охотник Иванов нашел в помещении санитарной части несколько пузырьков жидкости, предназначенной для смывания с тела капель иприта. Он отозвал меня и стал убеждать, что это можно пить; только надо размешать в стакане ложку соли. Останется чистый спирт. Спокойная и самостоятельная служба помогла ему убедить меня попробовать выпить этот «спирт». Экспериментировали трое: я,

охотник и еще один самый проверенный и надежный солдат. Результаты начали проявляться часа через полтора. Я и молодой солдат в течение 2-3 часов бегали в туалет через каждые 15-20 минут. Но пожилому пришлось хуже. Он слег. Его тошнило и рвало. Сильно побледнел. Мне ничего другого не оставалось, как отправить его домой с надежным сопровождающим, чтобы жена отпаивала молоком.

Мы с солдатом постепенно пришли в себя. Опыянение снялось как рукой.

Ч.П.!

Отравлен солдат!

Скоро начал успокаиваться.

К вечеру, когда начало смеркаться, меня вызвал часовой у въездных ворот. Когда я подошел к нему, пятки похолодели. К расположению в походной колонне, во главе с командиром шел наш батальон. Я вышел навстречу в отчаянной борьбе: говорить или нет? Когда подошел к комбату, твердо доложил, что все в порядке. Комбат приказал снимать посты и через час выступать в составе своей роты. Я спросил его, где мои охотники, и получил ответ, что они выполняют его задание.

Наутро начиналась война с Японией. Ситуация для меня сложилась не из завидных. Взводного лейтенанта не было. Он был с охотниками. Я исполнял его обязанности. Без дальнейших колебаний все рассказал своему командиру роты – капитану Федосимову – отличному офицеру и замечатель-

ному человеку. Он похвалил за откровенность, пожурил за легкомыслие и велел послать к Иванову надежного солдата и передать: идем в Маньчжурию через город Жаохэ. Пусть догоняет. Это я поручил соучастнику наших злоключений, который все сделал быстро и аккуратно.

После ужина, приготовленного в полевых кухнях во время марша, батальон пошел вглубь от границы, перешел по мосту реку Бикин и вышел к пограничной реке Уссури на 10-15 км выше вчерашнего расположения. Перед рассветом сосредоточились в ожидании понтонов для форсирования реки и вступления на территорию хваленной Квантунской армии Японии. За эту ночь мы прошли форсированным маршем 55 км.

Залегли в прибрежном лесочке. Напряжение росло с каждой минутой. Одно дело, сидеть на своей земле в оборудованных и обжитых позициях, и ждать противника с известного направления и в известном количестве. Совсем другое дело – ступить на чужую землю в неведомое, да еще с форсированием такой крупной реки.

Обо всех нарушениях границы японцами наша разведка действительно знала почти все. Когда ставили нам задачу, говорили и о направлении противника и о его количестве и о времени появления до минут. В этом отношении разведка была на высоте.

А сейчас все по – другому. Может, командование и знало больше, но нам была поставлена задача: форсировать Уссури

и продвигаться к Жаохе. Кто и что нас ждет на том берегу, мы не знаем.

Ждем саперов с понтонами. Ко мне подползает Володя Жалнин. Он с 26 года. Ему досрочно присвоили младшего сержанта и приняли в кандидаты партии. Очень уж старательный парень. Командует отделением в соседнем взводе. Напряжение в его глазах на грани паники.

– У тебя где комсомольский билет? – спрашивает он.

– В кармане, – ответил я и удостоверился, что он на месте, потрогав карман гимнастерки.

– Говорят, японцы сразу расстреливают комсомольцев и коммунистов, – шепчет он.

Я молча гляжу на него.

– Я закопаю, – говорит он и, не дожидаясь моего ответа, расковыривает перед носом ямку, достает кандидатскую карточку, рвет ее и кладет в ямку. Я его за руку, а он вырывается, достает из вещмешка Б.У.П. (боевой устав пехоты) и тоже кладет в ямку. Закапывает, трамбует дерном. Стало мерзко. Остановить его я не смог, ябедничать не приучен. Хочется хватить его прикладом, но за эти штуки перед боем сам попадешь под трибунал. Так и отполз, гадина.

Подъехали саперы. Спустили и состыковали понтоны. Наш взвод садится на крайний, нижний по течению понтон. Остальные рассредоточены вверх. Все присели за бортами и приготовились к стрельбе. Я на носу по правому борту. Отчалили. Мотор работает с подводным выхлопом на малых

оборотах. Чуть слышно. Туман. Берегов не видно. Примерно на середине реки туман рассеялся. Из-за спины показались лучи солнца, но солнце или еще за горизонтом, или за лесом. Эту благодать и тишину разорвали первые залпы артиллерии японцев. Били с приличного расстояния, но нащупывали нас быстро. Саперы дали полный газ с надводным выхлопом. Скрываться бесполезно, нужен рывок вперед. Справа понтонов нет. Влево смотреть некогда. Все внимание на приближающийся берег. Стрелкового огня оттуда нет. До батарей нашим оружием не достать. С нашего берега заработала батарея горно-вьючных пушеченок нашего батальона. Подключились еще какие-то орудия покрупней. Враг тоже бил. Подходим к берегу. Небольшой песчаный пологий откос. Метров через 10-15 обрыв высотой 1,5-2 метра. Нужно броском подняться на обрыв, чтобы избежать неожиданностей.

Крикнул:

– Броском на обрыв!

Понтон ткнулся на отмель. Вскакиваю и прыгаю в воду, успев подумать, что сапоги не зальет – мелко. Удобно будет бежать. Все эти мысли за те мгновения, которые понадобились, чтобы встать на борт и оттолкнуться от него.

Раннее утро. Полная тишина. Прохладный песок и гладь реки. Чуть греет низкое солнце. Где-то, видимо, отец с друзьями рыбачит своим бреднем. Надо идти к ним, но не хочется вставать. Но надо встать и идти. Стал подтягивать ногу

и почувствовал прохладу. Ноги были в воде. Быстро встал и все исчезло. За мной по воде в полной тишине шли понтоны с нашими батальонными пушками. Полная тишина стала жуткой. На каком я свете? Вспомнилось, как вспыхнуло в мозгу, команда: «броском на обрыв!», толчок от борта и красно-голубой фонтан огня, воды и песка.

– Первое – где наши?

Бегом на обрыв. Тяжело, тошнит, голова разрывается, в ногах неудобно и тяжело от мокрых сапог и портянок. С обрыва я увидел у подступов к окраинам города наши цепи, а навстречу им вспышки винтовок и пулеметов, чуть заметных при солнце. Мелькнула мысль, раз не свистят пули, значит, сюда не долетают. Дошло только тогда, когда под самым носом срезалась ветка куста. Спрыгнул с обрыва и побежал вдоль берега ближе к своим. Тошнота усиливалась, нога болела. Видимо, сбилась мокрая портянка. Время от времени поднимался, чтобы не потерять наших из вида и не пробежать. Наконец, надо подняться на обрыв и бежать от берега. Свои уже близко, но они уходят от меня, не очень опасаясь огня. Я присмотрелся, но не заметил встречных вспышек. Присел отдохнуть. Голова закружилась.

Сколько пролежал, не помню. Потом прикинул, получилось часа 1,5 – 2. Очнулся. Наших уже не видно. Стало жутко. Пошел к городу Жаохэ, в направлении которого мы должны были продвигаться. Опасно одному идти в город противника. Через некоторое время вышел на чуть заметную про-

селочную дорогу. Иду по ней, «ушки на макушке», но ушки-то не слышат ни черта. Кручу головой во все стороны. Надежда только на зрение. Когда подходил к городу, за собой вдали увидел пыль. Залег в траве и жду. На рысях подъезжает конная батарея. Это были наши артиллеристы. Выскакиваю к ним с невероятной радостью и вдруг ... услышал топот копыт. Это удвоило мою радость. Артиллеристы поняли, что со мной случилось и криками объяснили, что наши уже в городе. Я стал их немного слышать, но начали болеть уши. С артиллеристами я поехал в город. Всяких переживаний и эмоций за полдня могло бы быть и меньше на одного человека.

Когда доехали до города, я спрыгнул с передка орудия. Нога опять сильно заболела. Хромая, пошел искать своих. Нашел довольно быстро. Взаимные радости! Стал разуваться, чтобы высушить портянки и сапоги. В правой ноге был осколочек. Он, видимо, прошел через борт понтона и ослабел. Поэтому кость была цела. Меня отвели в медсанбат.

Так я попал в медсанбат, на этот раз уже в полевых условиях.

Заболевшего охотника Иванова во взводе еще не было.

Глава 12

В

гостях хорошо, а дома лучше

В полевом госпитале порядки другие, чем в гарнизонном. При приеме отобрали только гимнастерку с документами. Все остальное при тебе. Большая палатка с брезентовым полом. На полу рядами уложены тюфяки, набитые соломой или сеном. Для «тяжелых» ватные матрацы. Сапоги, оружие, вещмешок и остальное солдатское имущество рядом с тюфяком. На случай боевой тревоги все, способные перемещаться, готовы отразить врага.

На второй день нога стала затягиваться, уши почти перестали болеть, слух понемногу восстанавливался, тошнота исчезла.

Рядом оказались еще двое похожих на меня. Втроем начали осаждать лечащее начальство, чтобы выписали нас. Ответ был один:

– Я сам знаю, когда вас выписать.

Но сам он улыбался и шутил. Его веселым настроением решили воспользоваться. На третий день уговорили старшую сестру отдать нам гимнастерки. Расписались в каком-то журнале о получении и «... спасибо сестричка!» Быстро подались на большак. Сухой паек, конечно, не получили. Летом прокормимся.

Сначала было не очень приятно втроем шагать по чужой земле. В основном, с одной стороны дороги сопки, с другой – болота. Маневра минимум. Но вскоре нас догнали две автомашины дивизионного тыла. Это уже обоюдно выгодно. Им – защитники от случайностей (2 автомата и 1 десятизарядная винтовка), а нам – транспорт есть транспорт. Наше место – в кузове у кабины с оружием на крыше кабины.

Эти машины вскоре догнали свою колонну, застрявшую в глубочайшей грязи, и встали в хвост. Мы подались к голове колонны, чтобы решить: ждать или двигаться дальше.

Около середины колонны слышится до невероятности злой и замысловатый, даже для солдатских ушей, мат. Подошли ближе. Автором мата оказался зам. командира дивизии по тылу. «Объектом» его проклятий была солдатка, которая ехала в кузове на мешках с сухарями.

Она ухитрилась прятать свое «интересное положение» от глаз начальства, но не выдержала походных передрыг и родила преждевременно прямо на мешках с сухарями. Пришлось несколько мешков дефицита выбросить. Можно понять зама по тылу.

Во всей Маньчжурии хлеба не найдешь!

Пошли через всю колонну. Положение было не из лучших. Колонна застряла капитально. Без тягача или, хотя бы роты солдат, машинам не выбраться. В самой колонне одни писаря в хромовых сапогах, бабье и несколько офицеров-щеголей. Шоферам в боевой обстановке уходить далеко от сво-

их машин не разрешается. Возможно нападение рассеянных по сопкам японских солдат. Идти пешком троим тоже рискованно, да еще к вечеру. Остались с колонной. Забрались в кузов машины, на которой догоняли, перекусили тушенкой, раздобытой шофером где-то, и там же задремали.

Ночью проснулись от грохота моторов. Впритирку с застрявшими дряхлыми «ЗИС»ами шла тяжелая батарея на тягачах. Мы быстро поднялись. С третьей попытки один офицер согласился нас взять, просмотрев для порядка наши книжечки и похвалив за «удёр» из госпиталя.

На рассвете догнали своих. Встреча. Радости. Для меня – особенно. Иванов догнал. Ротный сказал, что все нормально. Пошагали со своими. Пусть 40-50 км в день, пусть иногда, особенно в сумерках, нас обстреливают с сопок одиночные пулеметы, пусть сухари нас так и не догнали, пусть ..., но зато со своими! Это в армии дороже всего.

Дальше нас ждали мелкие стычки, бой на подступах к г. Баоцин, разные смешные и не очень истории с трофеями, бой за укрепленный гарнизон под г. Боли, уничтожение смертников, вдвоем закрывавших путь к мосту и еще целая уйма приключений. Но это уже было в своей роте, со своим батальоном.

Глава 13

Эпизоды из войны и похода

Вспоминаются некоторые короткие события в Маньчжурии. Расскажу о них без хронологической последовательности. Какие-то из них смешные, другие печальные. Надо учесть, что действующим лицам в этих событиях, в основном по 19-20 лет, а жизненного опыта – минимум.

Один из гарнизонов среднего размера японцы сдали подозрительно легко. Гарнизонами называли поселения военнослужащих, похожие на небольшие поселки. Эти поселки, в большинстве, окружены земляным валом и рвом. Иногда по углам бывают железобетонные башенки для пулеметов, а между ними площадки для пулеметов или легких орудий. На вершинах рвов брустверы для стрелков. В остальном деревня как деревня, только обязательно есть стрельбище с чугунными плоскими мишенями и тренировочная полоса препятствий. Внутри гарнизона приличные склады продовольствия и военного имущества.

В этом гарнизоне среди прочих трофеев был большой запас галет. Они были запаяны в жестяных коробках. Вокруг склада было разбросано много вскрытых коробок. Галеты были величиной с половину спичечной коробки и вдвое тоньше. В открытых коробках они были покрыты каплями какой-то влаги.

Обстановка интригующая. Давно не ели хлеба, а тут про-рва галет, но они могут быть отравлены. Вскрыли с опаской запаянные. Ни мин, ни капель там не оказалось, но рисковать никто не хочет. Взяли одну коробку с влажными галетами, и пошли к минометчикам. Двое отвлекают минометчиков, а двое кормят их лошадей галетами.

Через час лошади были живые, а солдаты сытые. Запаслись, кто, сколько хотел, но много не унесешь. Патроны и гранаты дороже галет. А на галетах была роса. Гарнизон заняли утром. Коробки, очевидно, вскрыли японцы, запасаясь перед отступлением.

В этом же гарнизоне я обнаружил, что ножны моей фин-ки порвались. Кожаные самодельные ножны. Пользуясь тем, что обед еще не готов, пошел искать кожу. В одном из домов на середине пола стоят два огромных отличных чемодана, приготовленных для драпака. Но не успели, видать, хозяина убили. Из крышки одного из них вырезал круг диаметром с полметра. Из чемодана вывалились всякие шелковые тряпки, шкатулки, фотокарточки и прочее. Я взял то, что было нужно – круг кожи – и пошел шить ножны.

Чувства, что все это ценное и т.д., абсолютно никакого! Мне нужен был кусок кожи

Под городом Баоцин встретили приличную оборону. Во-шли в город только под вечер, после того, как наши танки-

сты подоспели и пошли в обход города. В этом городе обнаружили большой спиртовой завод. Громадные чаны со спиртом были не то деревянные, не то только обшитые деревом. Большинство не занятых в охране солдат около этих чанов побывали. Никто не хотел ждать, пока другой наполнит свой котелок или флягу. Стрелял рядом и подставлял свою посуду под «свой» источник. После наполнения отходил, не заботясь об оставшейся литься струе.

Наш комбат, узнав о такой своеобразной «казенке», отменил свое решение переночевать в городе и поднял батальон по тревоге. Поварам было приказано готовить ужин на ходу. Батальон ушел вперед еще на 8-10км. Ночевали на дороге в кюветах. Справа скалы, слева – болото. Усталость после боя, дополнительный марш и баоцинский спирт сделали свое дело. Все кроме охранения спали мертво. Ночью пошел ливень.

Командиры оттаскивали солдат, лежащих на дне кювета, чтобы они не утонули. Только разместились снова спать (до нитки сырая одежда и ночная прохлада – не помеха!), снова аврал. Нас хотят обогнать те самые танкисты, которые окружали город. Грохот моторов и гусениц не мешают спать. Опять пришлось с помощью нескольких солдат, способных держаться на ногах, и самих танкистов, оттаскивать спящих из – под гусениц танков. Дорога была узкая, а солдат много. Кое-как пропустили танки и поспали часа два до рассвета.

Утром почти никто не помнил, как их волокли за под-

мышки, а некоторых и за ноги, как лязгали мимо их голов гусеницы танков.

Смерть самурая

На одном из обеденных привалов на расстоянии около 700-800 метров от нас был продолговатый одноэтажный дом. Комбат приказал нашему командиру роты обследовать его. Послали одного сержанта и трех солдат. Некоторые из нас наблюдали за ними. Подходя к дому, ребята стали обходить его со всех сторон. Вдруг их обстреляли из окон. Наши залегли и открыли огонь. Взвод по тревоге бегом туда. Сначала огнем ручных пулеметов с дальнего расстояния прикрыли своих ребят и дали им отползти.

Потом обложили дом и всыпали вдоволь огня из всех видов. Стрельба из дома прекратилась. Прекратили и мы. В доме раздались два или три пистолетных выстрела. Опять тишина. Ждали белого флага, но его нет. Хотел дать команду приблизиться перебежками одному отделению, а остальным приготовиться их прикрыть огнем. В это время дверь открылась, и на крыльцо медленно вышел человек в белой рубашке, в военных брюках, сапогах и с белой повязкой на лбу. Повязка была чистая, а на левом плече кровавое пятно. Мы ожидали, что дальше будет, оружие наготове. Человек встал лицом на восток, задрал голову кверху и резким движением правой руки разрезал живот справа налево и обрат-

но. Мы поняли происходящее только тогда, когда он бросил нож и, шатаясь, обеими руками подхватил свои вывалившиеся кишки. Через несколько секунд он упал лицом вниз.

Мы осторожно вошли в дом. Там было 8-10 убитых солдат. Среди всякого хлама и гильз нашли офицерский китель и маузер. Видимо, офицер добивал из него раненых. Я и раньше видел ножи, похожие на тот, который выпал из руки офицера, но не знал, что это и есть священный нож для харакири.

Офицерский маузер, по совету ротного, отдали нашему комбату. К этому маузеру подходили патроны от нашего автомата и пистолета «ТТ». Только чуточку послабее гильза. Стреляет отлично.

Пока мы вернулись, люди уже пообедали. Комбат похвалил и поблагодарил за маузер. Пообедали, покурили, немного отдохнули и пообсуждали непредвиденное событие. Многие, не участвовавшие в перестрелке, ходили смотреть к дому.

Наших не ранило и не убило.

Японцев хоронить не стали, только затворы от их винтовок забросили в болото.

Поход продолжался.

Во время утомительного марша головы склоняются, взор втыкается в ноги переднего и на дорогу. Более широкий обзор дороги перед строем у командиров.

Под ногами осталось что-то похожее на противохимический костюм, затоптанный в грязи и высохший. Разговорился с сержантом, идущим рядом об этой «накидке-костюме». Мнения разошлись. Вернулись, чтобы установить истину. Это «что-то» оказалось трупом человека, разутюженным танками и колесами до невероятных размеров в пыли и грязи. Затем все засохло в форме пластины. Тогда это было воспринято как любопытный курьез. И не более!

В один из вечеров к нашей колонне прямо со скалистой сопки спустились два человека в кожаной военной форме. Когда их приняли не совсем по – дружески и хотели ускорить их спуск на дорогу с помощью автомата, они закричали по-русски:

– Не стреляйте! Нам нужен ваш *комбат*.

Последнее слово нас успокоило. Враг, скорее всего, сказал бы «командир». Короче говоря, они оказались разведчиками или из дивизии или еще выше.

Комбат с ними и с офицерами долго о чем-то совещался. После этого мы немного вернулись назад, и сошли на почти незаметную дорогу через болото. Шли долго и трудно. Ротный мне сказал, что эта дорога сократит нам более суток пути.

Стемнело быстро. Все шли по пояс в грязи. Телеги почти на руках несли. Лошади чуть сами передвигаются. Вскоре не стало видно соседа. Не видели, а ощущали и чувствовали

друг друга.

Курить запрещено. Разговаривать и запрещено и неохота. Редкие команды шепотом передаются по цепочке. Слышно только кряхтенье, чавканье болота и шепотная матерщина особо несдержанных.

Пошли особо слабые и неопределенной формы кочки в болоте. По времени уже ясно, что где-то что-то не так разведали и не так решили. И физическое и моральное состояние людей на пределе, если уже не за пределами. Раздалась команда:

– Стой! Отдыхать!

Кое-как примостились на кочках по двое спиной к спине. У кого еще есть желание что-то делать, начали хрустеть – кто сухарями, кто галетами. Остальные дремлют.

Скоро стало светать. Убедились, что большинство «кочек» – трупы китайцев, затянутых и перетоптанных в болоте.

Команда «Вперед!» была желанной. Из этого ада выбрались на дорогу часа через 3.

В ближайшей деревне узнали, что японцы со всей округи собрали людей гатить болото, но поняв, что не успеют, расстреляли всех собранных китайцев из пулеметов и удрали.

Обсохли мы на ходу. В обеденный привал немного пообчистились и умылись. Это болото было хуже боя. Это был тяжкий труд войны. Из таких тягот состоит война, а не из «одним махом семерых убивахом», как иногда пытаются нас убедить кинорежиссеры.

Во время полуденного привала к нам прибежала девушка лет 14-15. Она неплохо говорила по-русски (потом узнали, что она – дочь эмигранта из России). Плача и захлебываясь, она рассказала, что ее мать убили наши танкисты. Я ее привел к комбату. Тот еще раз коротко расспросил и послал с ней своего заместителя с отделением автоматчиков.

Через некоторое время к комбату привели троих танкистов в комбинезонах и без оружия. Он их направил к начальнику особого отдела, который увез их в дивизию. Девушку с отцом тоже повезли туда.

На другой день, на ночлег мы остановились засветло. Такого еще не бывало. Не успели расположиться и поужинать, к нам подошли еще несколько взводов из полков дивизии. Всех нас вместе с прибывшими построили буквой «П». Подъехали две крытые машины, из которых вышли несколько офицеров и отделение комендантского взвода. Вывели двоих из вчерашних танкистов.

Стало ясно, что к чему.

Осужденных поставили с открытой стороны строя. Зачитали приговор трибунала. Командира танка и стрелявшего расстрелять, третьего – на 4 года.

Тут же приговор привели в исполнение. Солдаты комендантского взвода взялись за лопаты, а нас увели в свои расположения продолжать войну.

Из приговора и последующей беседы замполита с нами

стало известно следующее. Три танкиста вошли в дом и потребовали сааки (местная водка). Старик (эмигрант) объяснил, что у них нет спиртного. Тогда его отправили найти выпивку. Сами расселись в доме. Дочь хозяина, которая прибежала к нам, спряталась в дальней комнате, как прячутся все девушки от пришлых солдат. Ее мать с маленьким ребенком на руках суежилась, что-то готовя на стол. Ребенок заплакал. Мать не могла его успокоить. Тогда один из «гостей» вырвал ребенка из рук матери, бросил на нары и застрелил из пистолета. Обезумевшая мать (китаянка) бросилась не то к ребенку, не то к палачу (сейчас не помню уже). Дочь при первом выстреле отворила окно и огородами побежала. Так она попала в наше расположение.

К приходу нашего замкомбата на место происшествия танкисты пили сааки, а эмигрант молча застыл над трупами жены и ребенка.

На подходе к городу Боли наш батальон получил приказ свернуть с главного направления и уничтожить укрепленный гарнизон в 9 километрах от магистральной дороги.

Над этим гарнизоном был сбит наш самолет. Какого класса не знаю. Послали туда две бронемашины. Их сожгли. Тогда послали нас.

Развернулись в боевой порядок. Осторожно продвигаемся. С чердака дома повыше открыл огонь крупнокалиберный пулемет. Наши минометчики отстали и вскоре откры-

ли огонь по пулемету. Пулеметная позиция, видимо, хорошо защищена от осколков. Пехота идет вперед под огнем одного крупнокалиберного пулемета. Это терпимо. Метров с 700 японцы открыли плотный огонь. Минометчики перенесли огонь на ближний к нам земляной вал. Наш батальон начал формировать «подкову». Пошли перебежками. Заработали наши станкачи. Прицельность японцев ухудшилась, но у нас уже есть потери.

Нашего «Ура» японцы не выдержали. Мы с ходу перешли вал, но тут же залегли. Все дома оказались оборудованы под огневые точки. Подождали, пока на валу не установились наши станковые пулеметчики.

Сосредоточив огонь взвода на ближнем доме, подавили его, и первое отделение броском заняло дом. Сначала правый, чуть позже левый фланги тоже со своим «Ура» ворвались за валы. Пошел жестокий уличный бой.

Это трудно запомнить. Еще трудней рассказать. Часа через 4 все кончилось.

Даже женщины и подростки не прекращали огня, пока их не пристрелишь.

Живых осталось человек 50-60 из населения гарнизона. Из них мужчин в военной форме человек 20-25. Их отделили от гражданского населения и заперли в небольшой каменный сарай с одним выбитым окном. Остальных повели куда-то для передачи в соответствующие службы.

Наших было побито человек 20-25 и чуть больше ранено.

Наш ротный спросил у комбата про военных японцев – «Что с ними?» Что ему ответили, я не слышал. Мы выносили своих на дорогу. Туда уже подали повозки.

Особо запомнился Саша Зайцев (из Москвы). Он нас всегда удивлял способностью пить горячий чай. Мог прямо из котла зачерпнуть горячий чай кружкой и пить его, дуя и обжигаясь. Ребята шутили, что ему никакая пуля не страшна.

Лежа в повозке с пулей в позвоночнике, он вспомнил эти шутки и прошептал:

– Вот ребята, вы смеялись, что пули смогу глотать, а вот «Арисаки» не проглотил! «Арисаки» – это модель японской винтовки. Мы начали утешать Сашу, что рана легкая, еще поьем чайку и т.д. Но он твердо сказал:

– Нет! Я умру.

И действительно, умер минут через 5-6.

Все погибшие в этом бою были похоронены на центральной площади г. Боли, который был занят нашей дивизией, пока мы брали гарнизон. При взятии города погибло чуть больше, чем при взятии гарнизона. Они были похоронены в той же братской могиле.

Это было 31 августа.

Второго сентября нам объявили, что война кончилась.

Многие китайцы из населения предпочитали меньше встречаться с нами. Все же действующая армия другого государства. Мало ли что на уме у каждого солдата. Но на доро-

гах изредка встречались одиночки мужчины. Тем более, что многие дороги такие, что на них трудно избежать встречи из-за болот и скалистых склонов. Эти встречные (или которых обгоняли) настолько рациональны и экономны, что подбирают все, что увидят, вплоть до пустых консервных банок и бутылок. У них такие особые рюкзаки с арматурой из прутьев и реек, которые в нагруженном виде поднимаются выше головы хозяина почти на метр. В последние годы наша молодежь носит такие рюкзаки, только арматура у них из дюраля и титана. Изредка встречались и на двух колесной арбе, запряженной какой-нибудь клячей (хорошую лошадь реквизируют). Сбруя у них состоит из множества медных или железных колец, связанных всевозможными кусками веревок.

Однажды встретился китаец на такой арбе с толстыми и тяжелыми колесами из досок. Когда он миновал голову колонны, ротный командир велел догнать и проверить, что он везет. Уж очень подобострастно он кланялся и улыбался. Все они такие, но уж этот – чересчур!

– Что везешь?

– Тряпока капитана.

У них все наши военные или «капитана» или «комендана».

Когда разбросали эти «тряпока», под старыми телогрейками, цинковками и прочим хламом оказалось штук 6-8 винтовок «Арисаки» и несколько цинковых коробок с патронами.

Остальное было коротко, так как было некогда. Доклад комбату. Его «Добро!». Китайца за кювет и одна очередь. Винтовки и цинки в болото, телегу туда же, а кляче – полная свобода.

В одном гарнизоне почти без боя сдалась целая рота японцев. Их согнали в противотанковый ров, вырытый ими на подступах к гарнизону.

Наших солдат заинтересовали так быстро сдавшиеся вояки. Многие подходили ко рву и разглядывали их.

Комбат тоже был там. Он позвал командира первой роты и приказал этапировать пленных до идущего за нами батальона одного из полков нашей дивизии. Фамилия того офицера была Стреляев. Когда комбат дал приказ ротному:

– Организуйте отправку пленных к Стреляеву!

Все пленные встали на колени и завопили: «Стреляй не нада! Наша война нета!».

Хохот был всеобщий. Комбат успокоил, что их стрелять не будут.

Дорога, зажата между двух сопок, выходит к мосту через небольшую реку. По обеим сторонам моста стоят бетонные квадратные башенки метров 6 высотой. Наш головной дозор был обстрелян из верхних амбразур этих башен. Батальон встал. Первого смельчака, высунувшегося из-за скалы, убили.

Комбат послал по два отделения с ручными пулеметами через перевалы обеих сопок, чтобы зайти с флангов. Они тоже напоролись на станковые пулеметы с нижних амбразур. Несколько касок на палках, высунутых из-за скалы, пробиваются насквозь.

Комбат вызвал две 45 мм пушки в голову колонны. За скалой их поставили рядом, зарядили и установили примерное направление ствола. Каждая пушка по своей башне. Наводчик сел, вернее приспособился, у панорамы. Остальной расчет по команде, одновременно на руках выкатил каждый свою пушку. Наводчики моментально «довели» прицел и выстрелили. Обе башни примолкли. Этого было достаточно, чтобы приготовившиеся с гранатами люди броском достигли нужной дистанции. Полтора десятка гранат полетели в амбразуры. Попали, конечно, не все.

На верхних этажах лежали прикованные за ноги самураи. Рядом полно патронов, галеты, банки с водой, несколько гранат, пулемет и винтовка. На нижних этажах было то же, но людей не было. Там или не приковывали, или смогли снять цепи и удрать.

Сразу организовалась «экскурсия» для осмотра первых на нашем пути «смертников». Комбат похвалил артиллеристов за быстроту и точность. После короткого перекура двинулись дальше. Убитого бойца похоронили на месте его гибели.

Забегая вперед, скажу, что всех похороненных не в населенных пунктах воинов на обратном пути специальные ко-

манды перезахоронили в населенных пунктах или вывезли к себе.

После капитуляции Японии несколько дней мы находились в г. Боли.

Ежедневная пища – рисовая каша с мясом, сваренная в соевом масле, нам надоела. Стали искать питание на стороне. Базары начали работать, но советские деньги отдавать категорически запрещено. Да и много ли их у солдат. Начали применять другое средство. Подбирают нужное количество продуктов (много всякой сдобы и т.п.) и спрашивают цену. Китаец чинно лопочет что-то. Солдат кивает согласно головой, поворачивается и идет своей дорогой. Если продавец умный, сразу замолкает, а если – не совсем, то кричит и вопит. Тогда солдат с улыбкой поворачивается и «нечаянно» переводит автомат из-за спины на грудь. После этого и неумный продавец замолкает.

Один весельчак даже техминимум открыл для торгашей. Вынул из автомата диск, раскрыл его и предложил пересчитать желтенькие пульки уложенных там спиралью патронов. Те покорно пересчитали. Тогда учитель мимикой и на пальцах показал им, что он один, а их 72 и все они упадут. Мгновенно ученики разбежались. Вот как убедительно объяснил. Мы с ребятами, было, захохотали, но тоже быстренько смотались во избежание недоразумений с нашими патрулями.

Наш взвод получил приказ нести службу в трофейной конной команде, созданной на окраине города нашим комбатом. В большом каменном сарае собрали 20-30 (точно не помню) трофейных коней. Наш взвод должен за ними ухаживать, охранять, кормить – поить и по возможности пополнять конский состав. Жить стало веселей. Достали несколько мешков муки, два мешка сахара, кое-что из посуды и стали жить на «хозрасчете». Добыл – поел, достал – выпил.

Коней пасли на соевых полях. Эти кони за 4-5 дней стали как звери. Соя не чета овсу.

В один прекрасный день утром двоих солдат снарядил за «чем-нибудь». В основном – мясо и выпить.

Один из них, старший, говорит, что побаивается закрепленного за ним жеребца. Больно он норовист и здоров, как слон. Я ему разрешил ехать на моей лошади. Она была молодая и очень резвая. Это немаловажно при таких охотах. Могут, и япошки встретится, могут и патрули. Уехали «кормильцы».

Часов в 12 прибегает связной комбата с приказом: «Весь конский состав и наличные телеги (3-4шт.) со всем личным составом прибыть в распоряжение к 14-00».

Вот тебе штука! Начало похода на войну – одного солдата нет. Начало похода домой – двух солдат нет! Ситуация!

Написал донесение, что два солдата уехали за продуктами, я с одним солдатом еду их искать, всех остальных людей с конским и обозным составом отправляю в распоряжение

под командованием сержанта такого-то к 14-00. Проследил за сборами обоза и солдат. Сказал, что и как, и все.

Сел на злого жеребца, взял солдата на кобыле и поехал в том направлении, куда уехали наши заготовители. В поисках ориентировались по наитию, чутью и по логике – где можно достать продукты. Короче говоря, поставил себя на место заготовителей, где бы я искал, то зачем они поехали. Часа через полтора увидели одного из своих солдат. Он возвращался за мной.

У них получилось следующее. Подъехали к населенному пункту. Попробовали объяснить с жителями. Но те оказались на удивление упрямыми и агрессивными. Тогда бойцы выехали в поле и застрелили пасшегося там кабанчика. Только начали взваливать тушку на седло, подъехал патруль и забрал их. Забрали в комендатуру и допрашивали. Старший из двоих, Вдовин, не заметил, населенный пункт это железнодорожная станция. А на станциях всегда есть комендатура. Туда они и угодили. Потом одного отпустили, чтобы он привел командира.

Обоих солдат я послал немедленно догонять свою часть, а сам поехал к коменданту. Часа полтора я слушал от этого старшего лейтенанта мораль и уговаривал отпустить солдата. Только тогда, когда, я сказал, что наша часть уже вышла маршем к дому, дело к вечеру, а нам нужно их догонять, комендант счел возможным отпустить нас. Может ему самому надоело пугать и поучать нас. Бог его знает.

Поехали догонять своих. Я на своей лошади, а не состоявшийся заготовитель – на своем жеребце, который к этому времени уже подустал и был не очень капризен. Догоняли мы то рысью, то шагом, то галопом. Стало чуть смеркаться. Вдруг моя лошадь перешла на шаг, зашаталась и упала. Я едва успел высвободить ногу из стремени.

Только тут до меня с мучительной болью дошло, что с утра лошадь не поили, не кормили. Комендантские не считали нужным, а Вдовин не подумал о лошади. Она часа 3-4 стояла привязанной на солнце, а потом столько пробежала. Это вина моя, что не подумал о лошади на радостях, что вырвал солдата из комендатуры. Загубил такую умную и прелестную скотину.

До сих пор о ней вспоминаю с угрызением совести.

Но делать нечего. Война есть война. Ошибки неизбежны. Утешил себя, что она отлежится, а китайцы подберут ее. Не стал и седло снимать, ни к чему. Вероятнее всего, лошадь пала.

Стало темнеть. Уселись на жеребца вдвоем и поехали дальше. По обе стороны дороги ищем какую-нибудь замену моей лошади или селение, где можно найти эту замену.

Ехать вдвоем очень неудобно, так как круп у коня настолько широкий и выпуклый, что задний должен сидеть, как верхом на кровати. Посменно едем в седле и на крупе. Но найти коня на дороге, где прошли войска можно только мертвого.

Наконец увидели деревню. Найти лошадь и там не удалось. Прячут. Нашли двухколесную арбу. Позаимствовали ее, но упряжка была совершенно негодная. Нашли кое-какие веревки, зацепили оглобли за стремяна и поехали. Теперь на тележке ехать удобнее, но один должен ехать в седле и придерживать ногами оглобли, чтобы они не били коня по бокам. Он от этого начинает брыкаться. Все бы ничего, но китайцы бегут за нами и вопят. Это нам ни к чему. Ускакать при такой упряжи нельзя. Помахал автоматом, гранатой. Чертяки немного увеличили дистанцию, но не отстают.

Только подумал, что будет нехорошо, если начальство увидит, и дал очередь над головами китайцев, ... через 2-3 минуты нас догоняет комбат на рессорной таратайке, запряженной отличным рысаком. Рядом с ним его ординарец. Остановились. Спрашивает, в чем дело, почему мы стреляем в своего комбата.

Я объяснил. Он посмеялся и сказал, чтобы я быстрее догонял, а китайцев еще раза два припугнул, но не убивал. Когда почти совсем стемнело, я дал еще одну очередь и китайцы отстали.

Часов в 12 ночи увидели костры. То был наш батальон. Впервые на марше жгли костры. Это было уже совсем весело, особенно то, что взвод оставил нам отличный ужин. Наутро улучшили упряжку и погрузили кое-какое свое имущество со всего взвода. Но так продолжалось только до того, пока комбат опять не увидел нашу телегу и не приказал ее выки-

нута. Уж очень она была безобразная и позорила колонну.

Жеребца кое-чем навьючили. И то легче. Верхом ездить в общей колонне разрешалось только комбату и его связным. Даже командиры рот шли пешком.

К границе СССР, то есть к берегу р. Уссури мы вышли километров 20 ниже места форсирования в начале войны. «Солдатское радио» сообщило, что на границе будет таможенный досмотр, а лошадей трофейных вообще не пропустят. Жалко было жеребца. Теперь он был уже мой, и я к нему привык. Но не бросать же его на берегу на произвол судьбы. От нашего расположения в 2-3 километрах было какое-то селение приличных размеров. С одним сержантом поехали туда. Опять вдвоем на жеребце. Цель поездки – поменять жеребца с седлом на что-нибудь проносимое на свою территорию.

Шелков и прочих тряпок нам не требовалось. У нас и платки и портянки уже были из натурального шелка. В самом начале возвращения мы нашли множество японских флагов из отличного шелка размером 60 x 60 см. Нам хотелось красивых шкатулок или оригинальных часов.

Купцов на коня найти оказалось нелегко. Или боялись, что отнимем обратно, или знали, что все равно мы оставим коня на этом берегу. Но все же мы обменяли его вместе с кавалерийским седлом на бурдюк сааки – литра 4-5. Принесли до расположения и распили, кто успел подойти к нам. Взвод

– то наш был всего уже из 22 человек.

В нашей роте было несколько «стариков», которые ждали демобилизации сразу по возвращении к себе. Один из них, старший сержант Снопко, набрал целых два мешка японских подсумков. Он знал, что делал. Эти подсумки были сделаны из двух целых кусков кожи. Если один подсумок расшить, то получались две пары подошв и пара задников. Это в то время было большой ценностью. Правда, ему не вдруг удалось спрятать эти мешки в обозе минометчиков под лотками и ящиками мин. Но он этого добился.

Было и жалко и смешно смотреть на лицо этого Снопко, когда уже на пароме два пограничника залезли на подводу, вытащили эти мешки, развязали и пошарили рукой внутри, а потом изящным движением ноги сбросили мешки в воду. Это было на середине реки. Присутствовавшие фыркнули со смеха, Снопко лишился такого близкого богатства. Тогда молодежи было смешно и непонятно огорчение «старика», так как ни у кого из них не было мыслей о материальных благах.

Была модной игра «махнем, не глядя». Каждый из двоих мельком показывал свои часы и тотчас закрывал их ладонью. После взаимных «махнем!» – менялись. Многие доигрывались до единственной крышки от часов. В их числе и я вместо трех часов имел одни часы и две крышки от карманных. Крышки я выбросил, когда надоела всем эта игра, а

часы нечаянно раздавил в крошево месяца через два после возвращения на свою землю.

Один взводный из нашей роты собирал набор духов для своей жены. Небольшой изящный несессер он набил флакончиками разнообразной формы и с красочными наклейками на них. Это был своеобразный и оригинальный подарок.

Дня через два после возвращения в свое расположение на своей земле, этот лейтенант все флаконы принес в казарму и, понося, чем попало капиталистических торгашей, раздал флаконы солдатам. Они оказались с шампунем и лосьоном.